

India in a view of a Russian traveller

The article is devoted to the Russian traveller F. S. Efremov who undertook in the second part of XVIII a trip to India through Bukhara, China and Tibet. After returning he wrote a book which includes many interesting facts about life styles and culture of the peoples of India. The author of the article makes several comments on the book.

Krishna Pal

© 1996 г., ЭО, № 4

Г. Е. Марков

ОТ ИСТОКОВ НЕМЕЦКОЙ ЭТНОЛОГИИ К ЕЕ РАСЦВЕТУ. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

По свидетельствам письменных и археологических источников, с древнейших времен существовали связи между отдельными группами людей в виде обмена материальными предметами и знаниями. Естественно, что это предполагало знакомство с ближними и дальними соседями, с их обликом и образом жизни. Начиная с эпохи ранних цивилизаций и в позднейшие времена, в памятниках письменности наряду с прочими сообщались сведения, которые можно назвать этнографическими. Уже тогда предпринимались отдельные попытки их теоретической интерпретации. Так, к примеру, еще в эпоху античности была высказана мысль о подразделении народов на дикие, варварские и цивилизованные. Ряд гипотез о первобытных народах был высказан выдающимися умами своего времени в эпоху географических открытий и в век просветителей и энциклопедистов.

Но первые теоретические направления и учения, приведшие к возникновению науки о народах как самостоятельной дисциплины, сложились только в середине прошлого века.

При всем богатстве теоретических исследований в этнологии одно из важнейших научных направлений — изучение истории науки, развития в ней теоретических взглядов и школ — долгое время не привлекало достаточного внимания ученых. Несколько лучше дело обстоит с изучением теоретического наследия англо-американской этнологии (социальной и культурной антропологии), чему посвящено, в том числе на русском языке, немалое число фундаментальных исследований. Значительно меньше сделано в области изучения историографии немецкоязычной этнологии (*Volkerkunde, Ethnologie*).

Между тем, только детальное знание истории науки и существовавших теоретических воззрений позволяет, с одной стороны, избегать ошибок прошлого или «открытий» давно известных истин, а с другой, — дает возможность использовать богатство идей, высказанных в свое время разными учеными, но не получившими по разным причинам дальнейшего развития.

За полтора столетия существования немецкоязычной науки о народах накопилось огромное количество описательных и теоретических исследований. Складывались и распадались научные школы и направления, однако их история изучена лишь в общих чертах, а большая часть имеющихся по этим проблемам публикаций стала, за исключением посвященных немецкому народоведению, библиографическими редкостями¹. К тому же, рассматривая историю изучения развития теоретических взглядов в немецкоязычной этнологии, нельзя не заметить, что до недавнего времени в немецких и русских публикациях, хотя этой

проблеме и посвящались отдельные статьи, разделы в учебных пособиях и вводных разделах в монографиях, исследование доводилось в основном только до начала первой мировой войны; события же между двумя мировыми войнами и в послевоенное время рассматривались лишь в самом общем или фрагментарном виде². Поэтому в предполагаемых дальнейших публикациях основное внимание должно быть уделено именно этому времени.

Прежде всего, следует остановиться на некоторых понятиях и терминах. По давней традиции, сохраняющейся во многом и сейчас, «немецкими» именуется все отрасли науки о народах в Германии Австрии и немецкоязычной Швейцарии. Это объясняется общими путями возникновения и развития науки о народах в странах немецкого языка, распространением там одних и тех же учений, а также тем, что многие ученые работали и публиковались то в одной, то в другой немецкоязычной стране.

Также по давней традиции наука о народах подразделялась в этих странах на три ветви: этнологию (*Volkerkunde*) — науку о культурно отсталых и первобытных заморских народах, изучаемых в сравнительном теоретическом плане; народоведение (*Volkskunde*) — науку о европейском, но преимущественно немецкоязычном населении³; и этнографию (*Ethnographie*) — вспомогательную дисциплину, посвященную собирательской деятельности и описанию эмпирического материала.

В историографии распространена точка зрения, что в Европе и Северной Америке этнология сложилась как самостоятельная наука в середине XIX в. под влиянием эволюционного учения Ж. Б. Ламарка, Ч. Дарвина и других великих естествоиспытателей⁴. Однако в связи с историей этнологии, в частности в странах немецкого языка, это мнение вызывает определенные сомнения.

Еще задолго до распространения в Германии эволюционных идей Дарвина, ставших первоначально известными в континентальной Европе в связи с трудами Эрнста Геккеля и других ученых, в сочинениях немецкой классической философии XVIII — первой половины XIX в. были высказаны идеи об историческом, прогрессивном развитии человеческого общества и его культуры, о наличии в этом процессе общих закономерностей, оказавших, как можно полагать, определяющее воздействие на теоретические основы возникающей науки этнологии. Для подтверждения сказанного достаточно назвать имена таких выдающихся ученых, как Христиан Томазиус, Иоганн Готфрид Гердер, Август Людвиг Шлегер, Исаак Изелин, наконец, основоположника немецкой классической философии Иммануила Канта, прямо утверждавших существование прогресса и всемирно-исторических закономерностей исторического и культурного развития⁵. Еще с конца XVIII в. описание и изучение неевропейских народов стало превращаться в немецкоязычных странах в самостоятельную область знания, впервые получившую в 1782 г. на страницах Гамбургского журнала «Путешественник» наименование *Volkerkunde* («этнология») ⁶.

Начиная с первых десятилетий XIX в. вопросы культуры и быта неевропейских народов прочно вошли в учебные программы университетов сначала Германии, а затем Австрии и Швейцарии.

Окончательное утверждение немецкой этнологии в качестве самостоятельной науки пришлось на начало второй половины XIX в., когда были сформулированы основные положения новой теории, названной позднее «эволюционизмом». В связи с этим следует заметить, что термины «эволюция», «эволюционизм» стали широко использоваться в немецкой литературе только в нашем веке, а то, что достаточно условно называется «эволюционизмом», обозначалось в работах немецких этнологов как «теория развития» (*Entwicklungstheorie*).

Большая заслуга в разработке основ «теории развития», а тем самым в признании этнологии в качестве самостоятельной науки, принадлежит Теодору Вайцу (1821—1864). Им был создан обширный труд «Антропология первобытных народов», включивший сводку почти всех известных тогда данных о неевропейских народах. Особое значение в достижении тем или иным народом опреде-

ленного уровня культуры Вайц придавал историческим условиям; хотя он и не отрицал экологического фактора, но не считал его определяющим⁷.

Истинным «отцом немецкой этнологии» считается по праву Адольф Бастиан (1826—1905), крупный теоретик и организатор науки, путешественник. И если в немецкой историографии принято считать, что первым, кто действительно пробудил в Германии, Австрии и Швейцарии интерес к теоретической этнологии, был Вайц, то признанием в качестве самостоятельной науки она обязана главным образом теоретическим трудам и многосторонней организаторской деятельности Бастиана.

С сожалением приходится констатировать, что научная деятельность Бастиана исследована еще очень мало и существующие о ней в историографической литературе данные далеко не в полной мере дают представление о вкладе Бастиана в этнологию⁸. Судя по содержанию публикаций, мало кто из авторов детально знаком с его трудами, что объясняется скорее всего трудностями их чтения: крайней тяжестью стиля, сложностью и непоследовательностью изложения. А оценки его теоретических взглядов в литературе и учебных пособиях по большей части заимствуются из довольно кратких обзоров других авторов и переходят из одной работы в другую, что отмечается и немецкими исследователями⁹. И только в недавнем прошлом в книге Аннемарие Фриедермюц-Лаун «Культурно-историческая мысль у Адольфа Бастиана» была предпринята чуть ли не первая попытка детального анализа творчества Бастиана. Однако при том, что в этой работе достаточно подробно рассматриваются основные направления исследовательской мысли Бастиана, книга все же не дает о ней достаточно объективного представления вследствие определенной субъективности автора, принадлежащего к «культурно-историческому направлению» и рассматривающего наследие Бастиана прежде всего с его позиций¹⁰.

В рамках настоящей статьи невозможно детально оценить все сделанное Бастианом в науке и критически рассмотреть все его выводы. Это дело будущего, требующее специального капитального исследования. Поэтому придется ограничиться лишь рассмотрением основных этапов деятельности Бастиана и некоторых спорных вопросов, касающихся его теоретических взглядов.

Как и другие немецкие ученые его времени, Бастиан был во многом последователем идей классической немецкой философии, с которыми были связаны его мысли о закономерностях, существующих в развитии человеческой культуры. Что касается воздействия на Бастиана естественнонаучных идей своего века, то здесь пока еще многое неясно. Не установлено, был ли Бастиан вообще знаком с эволюционными идеями Дарвина, о чем он сам никогда не упоминал. Во всяком случае их капитальные труды вышли почти одновременно: «Происхождение видов» Дарвина в 1859 г., «Человек в истории» Бастиана в 1860 г. Но как бы то ни было, их взгляды на развитие (эволюцию) как двигатель прогресса оказались во многом схожими.

По образованию Бастиан был врачом, но рано заинтересовался этнологией, и именно после защиты им диссертации по этнологии она была признана сначала в Берлинском университете, а затем и в других университетских центрах Германии, Австрии и Швейцарии самостоятельной наукой.

Благодаря бурной организаторской деятельности Бастиана Берлин стал во второй половине XIX в. одним из основных центров развития этнологии в Германии. С 1866 г. Бастиан начал преподавать этнологию в Берлинском университете, но большого успеха не имел, так как его лекции плохо усваивались студентами. Зато Бастиан стал духовным вдохновителем созданного в 1876 г. Берлинского общества антропологии, этнологии и преемственности и одним из четырнадцати его основателей, а также издателем печатного органа общества «Журнал этнологии» («Zeitschrift für Ethnologie»), сохраняющего и в наши дни славу одного из наиболее известных этнологических журналов мира. В 1873 г. по его инициативе было создано «Немецкое общество по исследованию Экваториальной Африки», переименованное позднее в «Африканское общество». Трудami

Бастиана был создан Берлинский этнологический музей (ныне в берлинском районе Далем). В течение своей жизни Бастиан принимал участие во многих экспедициях, во время которых собирал этнографический материал.

Главные направления научных интересов Бастиана составляли проблемы первобытных религиозных верований, нравов, обычаев, мировоззрения различных неевропейских народов. Попутно его интересовали вопросы юридических норм и социальных отношений. Значительное внимание Бастиан уделял разработке экспедиционной и музейной методики. Он считал, что музейные коллекции имеют смысл только тогда, когда они дают представление о всей совокупности культуры того или иного «примитивного» народа. При этом музейные вещи должны быть не просто раритетами и достопримечательностями, а свидетельствами определенных народных представлений. Музейные предметы Бастиан называл «текстами бесписьменных народов»¹¹.

Важным требованием Бастиана была специализация этнологии по географическим регионам, что было для того времени новым словом в науке¹².

Методические установки Бастиана оказали не только определяющее воздействие на этнологические исследования его времени, но и стали прочной традицией немецкой этнологии, в соответствии с которой изучался весь комплекс жизнедеятельности народа во всех его проявлениях, что зачастую выгодно отличает публикации немецких (впрочем, как и русских) авторов от работ этнологов других стран большей обстоятельностью и полнотой описания, теоретическим подходом.

В области теории Бастиан ставил перед собой грандиозную задачу создания общей методологии и метода этнологических исследований, основанных на индуктивном восприятии психологии и философии всего человечества, причем, как он полагал, культурное развитие человечества происходило в ходе активных взаимоотношений с окружающей средой. Но одновременно Бастиан рассматривал мыслительную способность человека как часть его биологической сущности и считал, что «духовно-душевная жизнь» полностью подчинена биологическим законам и с этих позиций должна исследоваться. Бастиан полагал так же, как и Вайц, что человеческий дух развивается во времени. При этом то, что порождает дух, составляет предмет этнологии, причислявшейся им к естественным наукам. Изучение развития духа во времени рассматриваемый автор относил к гуманитарным наукам¹³.

Итак, что же можно считать центральным в теоретических взглядах Бастиана? Прежде всего, идею «развития», проходящую красной нитью во всех его произведениях, мысль о связи этнологии с историей¹⁴. Бастиан был первым, кто поставил вопрос о значении для науки этнического фактора¹⁵ и существовании «географических провинций» в виде этногеографических областей¹⁶. Он был первым, кто предпринял попытку воссоздать предысторию возникновения этнологии¹⁷.

Но для самого Бастиана самым важным было его учение об «элементарных» и «народных» идеях (Elementargedanken, Volksgedanken).

В отличие от распространенного со времени выхода в свет трудов Вайца мнения, что развитие человеческого духа является следствием случайностей и действия гениальных людей, Бастиан полагал, что дух, мышление развивались у всего человечества одинаково, вследствие чего это развитие шло не только по определенным законам, но и сходными путями, что обуславливалось монофилетическим происхождением людей и вследствие этого равными у всего человечества способностями к умственной деятельности.

Расовые и культурные различия у отдельных групп человечества Бастиан объяснял различиями в окружающей среде, в связи с чем и было выработано понятие «географическая провинция». Однако эти провинции им не локализовались и рассматривались как абстрактные понятия.

Согласно учению Бастиана, у каждого народа (что при этом имелось в виду: роды, племена, народности — не пояснялось) существовала определенная сумма «элементарных идей», составляющая совокупность культурного достояния,—

«народных идей». Возникновение элементарных идей (мыслей, изобретений) Бастиан усматривал в переходе от «телесной» (животной) жизни к действию и мысли в органопроекции человеческого тела: от когтей животных — к орудиям и оружию. Этот переход Бастиан назвал «психической необходимостью», отражающей закономерности мышления, и считал поэтому, что этнолог может понять элементарные идеи только через абстракцию, но не через прямое наблюдение. Сам Бастиан никогда не пытался установить число и существо элементарных идей, так и оставшихся в его учении отвлеченным понятием.

С абстракциями связано у Бастиана и представление о «народных идеях», складывающихся из «элементарных идей» по аналогии с растущим из клеток организмом. Объединение малых человеческих групп в большие вело, как считал Бастиан, к превращению элементарных идей в народные. При этом он полагал, что народные идеи отражают всеобщие законы развития человеческой культуры, причем идеи являются принадлежностью группы, а не индивида. Бастиан писал, что посредством сравнения народных идей можно установить законы мышления, которые нельзя понять из индивидуального мышления и психологии, так как человек всегда находится в обществе, вследствие чего мышление индивида всегда пассивно. Считая исследование этих процессов задачей этнологии, мировоззрение равно как первобытных, так и культурных народов Бастиан называл «народной мыслью» и рассматривал это понятие генетически, полагая, что если сталкиваются два мировоззрения или две «народные мысли», то они неизбежно реагируют друг на друга; происходит абсорбция, возникает новая сумма народной мысли. Говоря об общих закономерностях развития культуры, Бастиан утверждал, что первобытная культура обусловлена исключительно природными факторами, но народные представления изменяются вследствие контактов с народными представлениями, распространенными в соседних провинциях¹⁸. И только после таких контактов начинается собственно история, т. е. освобожденное от воздействия природной среды развитие культуры¹⁹.

Основные теоретические положения были развиты Бастианом главным образом в его ранних работах, и впоследствии он к ним уже не возвращался.

Даже современники Бастиана с трудом воспринимали его теоретические построения из-за сложности и бессистемности изложения. Не оказалось у него и прямых последователей. Но если всю концепцию Бастиана в целом мало кто понимал и уж во всяком случае ей не следовал, то отдельные его мысли и теоретические положения оказали в свое время и продолжали оказывать в дальнейшем существенное воздействие на развитие немецкой этнологии. Совершенно точно можно установить, что многие идеи Бастиана были прямо или косвенно заимствованы позднейшими школами и направлениями, в том числе и прямо ему враждебными²⁰. Впрочем, как это часто бывает и в наши дни, без соответствующих ссылок на первоисточник. Представляется бесспорным, что концепция Бастиана оказала существенное влияние на разработку основ так называемого «диффузионизма», «исторического направления» и ряда других, пришедших на смену «теории развития» (эволюционизму). При этом Бастиан подходил, скажем, к диффузии значительно более исторично, чем противники «теории развития», отстаивающие принципы диффузии как механический перенос остающихся неизменными элементов культуры. Примерно то же самое можно сказать и о «культурно-историческом» направлении.

Весьма неоднозначны в литературе сценки основных направлений деятельности Бастиана и значения его идей для этнологии, что в значительной мере проистекало от принадлежности того или иного автора к различным направлениям в этнологии («диффузионизму», «историческому» и др.)²¹.

В целом же, завершая краткий очерк научной деятельности Бастиана, следует отметить, что он в значительно большей мере занимался проблемами теории, чем его современники. Он был крупным и ярким ученым, многие мысли которого определили будущее развитие немецкой (да и не только немецкой) этнологической науки.

С известными оговорками к числу сторонников «эволюционного» направления может быть отнесен швейцарский ученый Иоганн Якоб Бахофен (1815—1887), основывавший свои теоретические выводы на представлениях о последовательном (эволюционном) развитии культуры и социальных институтов человеческого общества. При этом, однако, сам Бахофен не относил себя ни к какой школе или направлению, в том числе и «эволюционистскому». Наиболее известный труд Бахофена «Материнское право» вышел в свет в 1861 г. В нем была высказана гипотеза о приоритете материнского счета родства и материнском праве, гинекократии, косвенно породившая недоразумение, связанное с так называемым «матриархатом», долгое время занимавшим умы ученых, но так и не нашедшем подтверждения в фактическом материале. Впрочем, в этом недоразумении повинен не столько автор «Материнского права», сколько его толкователи.

Бахофен был последователем идей немецкого романтизма и «историко-культурной» школы, мистиком и крайним консерватором. Основные его идеи, связанные с этнологией, заключались в учении о наличии универсальных закономерностей в развитии этапов семейно-брачных отношений от «гетеризма» к «гинекократии» и «патернитету»²².

Взгляды Бахофена получили в свое время известное распространение, оказали существенное воздействие на Л. Г. Моргана и были отмечены Ф. Энгельсом, что оказало решающее воздействие на оценку Бахофена и его теорий в советской литературе, особенно 20-х — 50-х годов²³.

Между тем, выводы Бахофена основывались не на этнологическом материале о первобытных народах, а на довольно поздних данных, относящихся к античности, что и предопределило впоследствии утрату в мировой литературе интереса к идеям Бахофена.

Значительный вклад в дальнейшее развитие немецкой этнологии конца XIX и начала XX в. принадлежит известному ученому Генриху Шурцу (1863—1903). В своих трудах он рассматривал с позиций «теории развития» (эволюционизма) историю человеческой культуры. Его капитальное исследование «История первобытной культуры» выдержало несколько переизданий и было переведено на ряд европейских языков, в том числе на русский²⁴. Успех его книги объяснялся подобранным в ней обширным и весьма достоверным фактическим материалом, умелым анализом и классификацией явлений культуры, выпуклым и образным их описанием, а также многими важными теоретическими положениями. Перекликаясь в какой-то степени со взглядами Бастиана, Шурц высказывал мнение, что группа индивидов обладает чем-то вроде «коллективного сознания», которое проявляется в отдельных личностях, но исходит не от них. Культура, по словам Шурца, представляет результат работы многих предшествовавших поколений, а история культуры отражает историю человеческого духа. Дух, по Шурцу, — двигатель культуры, и чем она выше, тем совершеннее, выше дух. У Шурца заметно стремление найти и установить связь между трудовыми, производственными процессами и общественным развитием. На основе обширнейшего материала Шурц исследовал основы культуры и пути ее прогресса, возникновение и развитие человеческого общества от первобытного состояния до возникновения государства. Разумеется, и аргументация, и привлекавшиеся Шурцем факты сегодня уже во многом устарели, однако далеко не во всем. Так, возможно, ему первому пришла в голову мысль о том, что одомашнение животных произошло как результат детской забавы, а не вследствие осознанной целенаправленной деятельности, что отвечает некоторым современным представлениям. Значительное внимание Шурц уделил эволюции материальной и духовной культуры, рассматривая ее, однако, как прямолинейный процесс перехода от простого к сложному.

К числу важнейших научных заслуг Шурца следует отнести открытие им значения возрастных групп как системы общественной организации. Исходя из концепции о ведущей роли в развитии культуры и институтов человеческого общества психологического фактора, в чем можно усмотреть влияние идей Бастиана, Шурц полагал, что возрастные группы возникли вследствие психо-

логической несовместимости между поколениями. При этом он противопоставлял возрастную организацию, создаваемую, по его мнению, мужчинами, женской родовой организации. Возрастные группы, как справедливо полагал автор, являлись одной из древнейших форм общественной организации и разделения труда, основными функциями которых были мобилизация военной силы и установление брачных норм. Как показали дальнейшие исследования, противопоставление мужской организации женской было ошибочным. Однако уже само по себе выявление возрастной структуры позволяло значительно глубже проникнуть в существо институтов первобытного общества. Крупнейшим открытием Шурца были Тайные союзы и Мужские дома как элементы социальной организации²⁵.

Не со всеми взглядами Шурца можно сегодня согласиться. Прежде всего, относительно прямолинейности и однолинейности непрерывного исторического развития. Неудачны его сопоставления общественных институтов у народов, стоявших на самых различных уровнях социально-экономического и культурного развития, к примеру у австралийцев и в древнегреческих полисах. Неверным оказалось предположение Шурца о том, что возрастная организация присуща только скотоводческим народам. Однако в целом исследования и теоретические выводы Шурца оказали очень большое, еще недостаточно оцененное воздействие на развитие теоретических взглядов в этнологии и позволили в ходе дальнейших работ обнаружить корни возрастной организации в древнейших формах разделения труда²⁶.

Заметное место среди этнологов — сторонников теории развития — занимал крупный ученый Юлиус Липперт (1839—1909). В литературе справедливо отмечалось, что из всех «эволюционистов» он выделялся наиболее материалистическим подходом к истории культуры человечества²⁷.

Основной труд Липперта «История культуры» неоднократно переиздавался и переводился на иностранные языки, в том числе на русский²⁸.

Методологические позиции Липперта отразились прежде всего в построении его труда, который он начинает с рассмотрения материальных условий жизни и трудовой деятельности, определяющих, по его мысли, общественные явления и духовную культуру. В первом отделе книги речь идет о хозяйстве и материальной культуре, во втором говорится об обществе, семье, собственности. Завершающий третий раздел посвящен языку, культуре, мифологии. Липпертом был издан ряд капитальных трудов, посвященных истории религии, истоки которой он усматривал в вере в душу, в культе предков и мертвых.

Как можно заметить, для немецкой «эволюционистской» этнологии второй половины XIX и начала XX в. были характерны многие крупные работы, претендующие на широкие обобщения в области теории и истории культуры, содержавшие значительный фактический материал.

Характерным примером такого рода можно назвать труды Томаса Ахелиса, в которых исследовались с позиций «теории развития» задачи и методы этнологии, рассматривалось, хотя и несколько поверхностно, развитие этнологии во второй половине XIX в.²⁹

Существенный вклад в развитие эволюционистского учения в немецкой этнологии и разработку ряда кардинальных проблем в этой науке внес историк культуры Адольф Фиркандт. В своей первой крупной работе, относящейся к 1896 г., он рассматривал в сравнительном плане социальную организацию первобытных и культурных народов. В 1899 г. вышла в свет его новая книга, в которой впервые в немецкой этнологии специально исследовались проблемы хозяйственных отношений у первобытных народов. Вся дальнейшая плодотворная деятельность Фиркандта свидетельствовала о широком круге его научных интересов. Им опубликованы труды по проблемам путей и динамики развития культур, возникновения религий и колдовства, общественных институтов и общественных отношений первобытных народов. В поле зрения Фиркандта оказались также вопросы соотношения этнологии и социологии и многие другие проблемы³⁰.

Необходимо назвать и других крупных этнологов-эволюционистов конца

прошлого и начала нашего столетия, в частности Оскара Пешеля, занимавшегося историей культуры, причем весьма интересен его взгляд на наиболее древнюю первоначальную семью как на парную³¹.

К числу известных представителей немецкого эволюционизма можно отнести и Георга Бушана³², а также М. Гернеса, автора «Первобытной истории человечества»³³.

Широкую известность получили в рассматриваемое время труды Карла Теодора Преусса, остававшегося верным теории развития в 1920-х и 1930-х годах³⁴.

Следует также отметить, что в работах ряда авторов не этнологов в тех случаях, когда они обращались к проблемам первобытности, можно заметить определенное влияние эволюционистского подхода. Так, если Фридрих Энгельс рассматривал вопросы антропогенеза частично с позиций неолитаризма, считавшегося в то время материалистическим и прогрессивным учением, то, касаясь проблем первобытной истории, в частности истории семьи, социальной организации и некоторых других общественных институтов, он следовал за Л. Г. Морганом, разделяя его взгляды на развитие как на однолинейную поступательную эволюцию³⁵.

Значительное влияние эволюционизма испытал берлинский профессор Хейнрих Кунов, близкий к социал-демократии и марксизму. Впрочем, его научные взгляды отличались большой эклектичностью, что видно на примере его трудов по истории хозяйства и социальной организации первобытного общества³⁶.

В целом же марксизм не оказал какого-либо существенного воздействия на немецкую этнологию ни в рассматриваемое, ни в позднейшее время, за исключением немногих не самых значительных авторов и в ГДР.

Новое направление не только в немецкой, но и в мировой этнологии было открыто трудами Георга Герланда, разработавшего картографический метод в связи с изучением культуры и создавшего первый этнографический атлас. По своей научной ориентации Герланд разделял взгляды сторонников «теории развития»³⁷.

Названными исследователями далеко не исчерпывается число немецких ученых и путешественников, стоявших на позициях «теории развития» или в той или иной мере разделявших отдельные ее теоретические и методические установки, а также мысли Бастиана и других основоположников немецкого эволюционизма. Однако их фундаментальные труды и статьи содержали главным образом изложение фактического материала, собранного в многочисленных экспедициях во всех странах света, и каких-либо принципиально новых теоретических положений в них не высказывалось. К примеру, можно назвать многочисленные публикации одного из ближайших сотрудников Бастиана, Феликса фон Лушана. Имя это широко известно в научном мире. В Берлинском музее Лушан возглавлял отдел Африки и Океании, имевший до первой мировой войны особо благоприятные условия для экспедиционной деятельности в германских колониях. Лушану принадлежит фундаментальная трехтомная монография «Древности Бенина», он был издателем тома «Сообщения по этнологии территорий, находящихся под защитой Германии», т. е. германских колониальных владений. Но основным полем экспедиционной деятельности Лушана было Средиземноморье и Ближний Восток, куда он совершил 12 поездок, посвященных антропологическим, этнологическим и археологическим проблемам. При этом результаты археологических раскопок он интерпретировал с точки зрения этнологии. Хотя Лушан и не оставил теоретических исследований, он очень много сделал для утверждения науки этнологии и популяризации изучения неевропейских народов. Наряду с другими исследователями он ратовал за «прикладную этнологию», посвященную колониальным проблемам³⁸.

Не менее известно имя другого соратника Бастиана, Карла фон Штейнена. По образованию, как и Лушан, врач, он встретил во время экспедиции в страны Южных Морей Бастиана, с которым и связал свою дальнейшую научную судьбу как сотрудник Берлинского музея этнологии. Штейнен участвовал в немецкой

экспедиции на Южный полюс, занимался этнологическими исследованиями в Бразилии. В течение нескольких лет он возглавлял Американский отдел музея, а также был председателем Берлинского общества антропологии, этнологии и преедытории. В своих многочисленных работах по американистике он основывался на сравнительном методе, за что его неоднократно критиковали, так как сравнения делались подчас без учета места и времени³⁹.

К числу известных американистов принадлежал Пауль Эренрейх, во многом разделявший позиции Бастиана.

Наконец, нельзя не упомянуть известнейшего этнолога Франца Боаса, получившего образование в Германии и работавшего некоторое время в Берлине до его окончательного переезда в США, где он стал главой американской «Исторической школы». Не вызывает сомнений, что на формирование его теоретических взглядов определенное влияние оказали концепции сторонников «теории развития» и, в частности, Бастиана.

Основы «теории развития» (эволюционизма) общества и его культуры сложились как определенное, хотя и неоднородное по научным взглядам направление в немецкой этнологии, также как и в Англии, Америке, Франции, России и других странах. При этом пока не удается установить, имелось ли взаимовлияние теоретических взглядов исследователей из разных стран, и если оно было, то каким образом оно осуществлялось. Во всяком случае ученые-эволюционисты не имели обыкновения ссылаться на своих иностранных коллег, так что вопрос остается до сих пор неясным и требует специальных исследований.

Основы эволюционизма в Германии, Англии, Франции, США сложились в эпоху, непосредственно предшествовавшую созданию колониальных империй и, в частности, колониальных захватов Германии. Последующая колониальная экспансия Германии и стремление ее правящих кругов расширить сферу колониального влияния стимулировали развитие этнологии, к которой стало привлекаться внимание не только ученого мира, но и политиков, администраторов, представителей торгово-промышленных кругов. Но при том, что развитию эмпирических и теоретических исследований объективно содействовал фактор потребности для колониальной деятельности в этнографических данных, сами немецкие этнологи, за отдельными исключениями, не принимали участия в разработке теории и практики колониального управления, а занимали по большей части антиколониальные и антирасистские позиции. Для немецких этнологов рассматриваемого времени, впрочем в известной мере и последующих десятилетий, было характерно в отличие от немецкого народоведения и расоведения⁴⁰ отсутствие националистической и шовинистической направленности, что часто ставило их в оппозицию к властям.

Трудами ученых-эволюционистов был заложен прочный фундамент науки, и этнология стала одной из общепризнанных дисциплин. К тому же и дальнейшие теоретические направления в немецкой этнологии развивались в немалой степени в ходе критики «теории развития», при этом многое из нее молчаливо заимствовалось. Огромное философское и общекультурное значение имели прогрессивность эволюционизма, его преданность общечеловеческим ценностям и утверждение равенства рас и народов в физическом и психическом отношениях.

Но одновременно с положительными, прогрессивными теоретическими установками эволюционизм содержал и существенные методологические недостатки, а также ряд ошибочных методических приемов, многие из которых, кстати, оказались заимствованными крайне враждебными «теории развития» учениями и направлениями.

Что касается методологических недостатков, то прежде всего они проявлялись в сущности понимания развития, которое по большей части рассматривалось как поступательный однолинейный процесс, в ходе которого накапливались все новые признаки без заметных качественных изменений, происходил переход от простого к сложному. Практическое применение такого подхода к анализу конкретных явлений истории и культуры, развитие которых объяснялось к тому же в

значительной мере психическими и отчасти биологическими факторами, вело к упрощенному и неверному объяснению хода исторического развития, созданию величественных универсальных, хотя и искусственных и эфемерных конструкций культурной и социальной эволюции.

К существенным ошибкам приводило использование без должной критики ретроспективного анализа на основе так называемых «пережитков», которые во многих случаях пережитками не являлись, а были живыми, действующими институтами, эволюционно не восходящими к предшествующим стадиям развития.

Обычным для эволюционистов, впрочем нередко и для их позднейших противников, был прием сопоставления культурных явлений, относившихся к совершенно различным этапам социального и культурного развития и сложившихся на основе самых разных экологических условий и хозяйственно-культурных типов. Кстати, как раз эти наиболее неудачные методы эволюционистов нередко заимствовались впоследствии как сторонниками, так и противниками этого направления.

Чрезмерный психологизм при объяснении возникновения и развития культурных явлений выливался порой в мистицизм, что также отразилось в некоторых позднейших учениях.

Наконец, несколько узкой была сфера научных интересов многих эволюционистов, исследовавших главным образом только семейно-брачные отношения, термины родства и религиозные верования.

Все эти действительные и многие мнимые недостатки, приписывавшиеся «теории развития» ее противниками, обостряющаяся критика его ошибочных положений привели в конечном результате к кризису эволюционизма в этнологии, падению его престижа и популярности и выходу на первый план новых научных направлений и учений.

Это не означает, однако, что эволюционизм был полностью забыт и отброшен. Многие его весьма существенные методологические и методические аспекты были унаследованы противниками эволюционизма. Заметное влияние «теория развития» оказала на судьбу русской и советской этнографии. С недавнего времени в виде «неоэволюционизма» он вновь получил некоторое распространение в США.

Примечания

¹ Преображенский П. Ф. Курс этнологии. М.; Л., 1929. С. 5—29; Итс Р. Ф. Введение в этнологию. Л., 1974. С. 97 и сл.; Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М., 1978; Марков Г. Е. История этнографической науки//Учебник «Этнография». М., 1982; *его же*. Очерк истории этнографической науки//Учебник «Этнология». М., 1994; *его же*. Очерки истории немецкой науки о народах. Ч. I. Немецкая этнология (далее — Немецкая этнология). М., 1993; Schlenter U. Zur Geschichte der Volkerkunde an der Berliner Universität von 1810 bis 1945//Wissenschaftliche Zeitschrift Humboldt Universität. В. 9 (1959—1960). Beiheft; Westphal-Hellbusch S. Hundert Jahre Ethnologie in Berlin, unter besonderer Berücksichtigung ihrer Entwicklung an der Universität//Hundert Jahre Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte 1869—1969. В., 1970; Rudolph W., Tschol P. Systematische Anthropologie. München, 1977.

² Ср.: Токарев С. А. Указ. раб.; Марков Г. Е. Развитие современной германской буржуазной этнологии//Этнография за рубежом. М., 1979; в его же новейшей работе «Немецкая этнология» рассмотрены все этапы истории немецкой этнологии. Однако вследствие недостатка материала история теоретических взглядов после окончания второй мировой войны исследована по независимым от автора причинам лишь в основных чертах, исключая этнологию в ГДР. В последующих публикациях этот недостаток предполагается восполнить. Ср. Семенов Ю. И. Ценный вклад в историографию этнологической науки. Г. Е. Марков. Очерки истории немецкой науки о народах. Ч. 1—2//Этнографическое обозрение (далее — ЭО). 1995. № 4; Markov G. L'évolution de l'ethnologie ouest-allemande//Ethnologie occidentale. Essais critiques sur l'ideologie. М., 1985.

³ Марков Г. Е. Очерки истории немецкой науки о народах. Ч. II. Народоведение. М., 1993; *его же*. Из истории немецкого народоведения//Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1990. № 3; *его же*. Немецкое народоведение от начала XX в. до 1993 г.//ЭО. 1992. № 4; *его же*. Народоведение в годы нацизма.

Крушение науки//ЭО. 1993. № 5; *его же*. От упадка к возрождению (немецкое народоведение после второй мировой войны: проблемы теории)//ЭО. 1995. № 6.

⁴ См. напр.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973. С. 183; *Токарев С. А.* Указ. раб. С. 28 и др.

⁵ Библиографию см.: *Марков Г. Е.* Немецкая этнология. С. 52 и сл.

⁶ *Schlechter Ur.* Zur Geschichte... S. 28 u. f.; *Kutter Ul.* Volks — Kunde — ein Beleg von 1782//*Zeitschrift für Ethnologie* (далее — *Z. f. E.*) Jg. 74. 1978. B. 2. S. 161.

⁷ *Waiz T.* Anthropologie der Naturvölker. Bd. 6 Marburg, 1858—1872. Нельзя согласиться с точкой зрения С. А. Токарева о том, что Вайц выступил в печати «почти одновременно» с А. Бастианом. Его первая крупная публикация вышла в свет значительно раньше, чем капитальный труд Бастиана. См.: *Токарев С. А.* Указ. раб. С. 32.

⁸ Так, в указ. книге С. А. Токарева Бастиану уделено всего три страницы, а всему немецкому «эволюционизму» — шесть. Примерно то же можно сказать и о работах немецких авторов. См. напр.: *Ankermann B.* Die Entwicklung der Ethnologie seit Adolf Bastian//*Z. f. E.* Jg. 58. 1926; *Mühlmann W.* Methodik der Völkerkunde. Stuttgart, 1938.

⁹ *Marschall W.* Besprechung//*Tribus.* 1972. № 21.

¹⁰ *Friedermütz-Laun A.* Der Kulturhistorische Gedanke bei Adolf Bastian. Systematisierung und Darstellung der Theorie und Methode mit dem Versuch einer Bewertung des kulturhistorischen Gedankes auf dieser Grundlage//*Studien zur Kulturkunde.* B. 27. Wiesbaden, 1970.

¹¹ *Bastian A.* Der Mensch in der Geschichte. B. 3. Leipzig, 1860; *idem.* Allgemeine Grundzüge der Ethnologie. Leipzig, 1884; *idem.* Über Methoden in der Ethnologie//*Petermanns Mitteilungen.* Jg. 1893/94.

¹² *Bastian A.* Zur Lehre von den geographischen Provinzen. B., 1886.

¹³ *Bastian A.* Zum Seelenbegriff in der Ethnologie (без года и места); *idem.* Beiträge zur vergleichenden Psychologie. Die Seele und ihre Erscheinungsformen in der Ethnographie. B., 1868.

¹⁴ *Bastian A.* Der Mensch in der Geschichte. B., 1860; *idem.* Ethnologie und Geschichte in ihren Berührungspunkten — unter Bezugsname auf Indien. B., 1892.

¹⁵ *Bastian A.* Die Ethnologie ist hingewiesen auf das Ethnos?//*Die Völkerkunde und der Völkerkundler* unter seiner Rückwirkung auf die Volksgeschichte. Ein Beitrag zur Volks- und Menschenkunde. B., 1900.

¹⁶ *Bastian A.* Zur Lehre von geographischen Provinzen...

¹⁷ *Bastian A.* Die Vorgeschichte der Ethnologie. B., 1881.

¹⁸ *Bastian A.* Der Völkergedanke im Aufbau einer Wissenschaft vom Menschen und seiner Begründung auf ethnologische Sammlungen. B., 1881; *idem.* Ethnische Elementargedanken in der Lehre vom Menschen. Abteilung I und II. B. 2. B., 1895.

¹⁹ *Bastian A.* Der Mensch in der Geschichte...

²⁰ *Preuss K. T.* Adolf Bastian und die heutige Völkerkunde. Zum Gedächtnis seines hundertjährigen Geburtstages am 26 Juni 1826//*Baessler Archiv.* B. X. B., 1926; *Ankermann B.* Die Entwicklung der Ethnologie seit Adolf Bastian//*Z. f. E.* Jg. 58. H. 1—2. 1926; *Mühlmann W.* Methodik der Völkerkunde. Stuttgart, 1938.

²¹ *Friedermütz-Laun A.* Der kulturhistorische Gedanke...

²² *Bachofen I. J.* Das Mutterrecht. Eine Untersuchung über die Gynokratie der Alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur. Stuttgart, 1861.

²³ *Косвен М. О. И. Я.* Бахофен//*Советская этнография.* 1993. № 1.

²⁴ *Шурц Г.* История первобытной культуры. 1-е изд. СПб., 1907; 2-е изд. СПб., 1910; 3-е изд. М., 1923; *Schurtz H.* Urgeschichte der Kultur. Leipzig; Wien, 1900; *idem.* Völkerkunde. Leipzig; Wien, 1903.

²⁵ *Schurtz H.* Alterklassen und Männerbunde. Eine Darstellung der Grundformen der Gesellschaft. B., 1902; *idem.* Völkerkunde. Leipzig; Wien, 1903.

²⁶ См. предисловие П. И. Кушнера к 3-му (русскому) изданию «Истории первобытной культуры» Г. Шурца; *Калиновская К. П.* Возрастные группы народов Восточной Африки. М., 1976. С. 4 и сл.

²⁷ *Токарев С. А.* Указ. раб. С. 47. Однако едва ли можно согласиться с утверждением автора о малой известности Липперта. Достаточно сослаться на русские издания его книг.

²⁸ *Lippert Ю.* История культуры. СПб., 1894; *его же.* История культуры в отдельных очерках. СПб., 1902; *Lippert J.* Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischem Aufbau. B. 2. Stuttgart, 1887.

²⁹ *Achelis T.* Die Entwicklung der modernen Ethnologie. B., 1889.

³⁰ *Vierkandt A.* Naturvölker und Kulturvölker. Leipzig, 1896; *idem.* Die wirtschaftliche Verhältnisse der Naturvölker//*Zeitschrift für Sozialwissenschaften.* 1899. № 2; *idem.* Die politische Verhältnisse der Naturvölker//*Zeitschrift für Sozialwissenschaften.* 1900; *idem.* Studien zur Ethnologie und Soziologie. Leipzig, 1917.

³¹ *Peschel O.* Völkerkunde. Mannheim, 1874.

³² *Buschan G.* Die Sitten der Völker. Stuttgart; Basel; Leipzig. O. J.

³³ *Гернес М.* Первобытная история человечества. СПб., 1911.

³⁴ *Preuss K. T.* Ursprung der Religion und Kultur//*Globus.* 1906. B. 86; *idem.* Die geistige Kultur der Naturvölker. Leipzig; B., 1914.

³⁵ *Энгельс Ф.* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20; *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21 (имеются в виду главы, посвященные первобытности до возникновения государства).

³⁶ *Кунов Г.* Всеобщая история хозяйства. Т. I. М.; Л., 1929; *Cunov H.* Die Verwandtschaftsorganisation der Australneger. Stuttgart, 1894. Более подробно о научной деятельности Кунова см.: *Токарев С. А.* Указ. раб. С. 105—107. Едва ли можно согласиться с утверждением последнего, что исследования Кунова

представляют большую ценность. Фактический материал в них фрагментарен, теоретические взгляды эклектичны.

³⁷ Токарев С. А. Указ. раб. С. 32, 49.

³⁸ Virchow H. Gedächtnisrede auf Felix Luschan in der Sitzung vom März 1924 gehalten//Z. f. E. Jg. 56. 1924; Westphal-Hellbusch S. Op. cit.

³⁹ Штейнен К. Среди дикарей Бразилии. М., 1935.

⁴⁰ См.: Марков Г. Е. Очерки истории немецкой науки о народах. Ч. 2. Немецкое народоведение. М., 1993.

From the origin to the blossom of the German ethnology. Theoretical aspects

The author includes into the notion «German ethnology» three branches of the German-language science: German, Austrian and Swiss. Untill the middle XIX German ethnology remained primarily an empirical discipline. It was constituted as an independent science at the second part of XIX within evolutionism. During this period German ethnologists paid a great tribute to the development of the evolutionist concepts.

G. E. Markov

© 1996 г., ЭО, № 4

С. И. Рыжак ова

МОСКВА И САНКТ-ПЕТЕРБУРГ В ИСТОРИИ ЛАТЫШСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

XIX век, особенно его середину и вторую половину, вполне можно назвать веком этнографии. Во многих европейских странах, имевших колонии, начались исследования народов — сначала подвластных земель, а затем и своих собственных. Формирование этнологической науки шло параллельно с образованием этнографических музеев, при различных обществах и академиях, а позднее и как самостоятельных институтов.

В Российской империи вторая половина XIX в. тоже ознаменовалась началом систематических этнографических исследований населявших ее народов. Но здесь наблюдалась своеобразная ситуация, когда колонии не были совершенно отделены от метрополии, а жизнь и быт русского народа принципиально не отличались от жизни и быта многих других народов России и стран, «России принадлежащих». Задачи этнографии определил еще русский ученый-натуралист К. М. Бэр, управитель Этнографического отделения Русского географического общества (РГО), как «познание разных племен, обитающих в нынешних пределах государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковедения как в нынешнем, так и в прежнем состоянии народов»¹. Из этого определения можно заключить, что понятие «этнография» в то время включало в себя как собственно этнографический в современном понимании, так и исторический, языковедческий, фольклорный, антропологический, этнопсихологический, этнолингвистический и другие аспекты изучения народных культур.

Профессор Казанского университета Б. Ф. Адлер в 1919 г. в докладе о Всероссийском центральном этнографическом музее, прочитанном на коллегии отдела Наркомпроса по делам музеев и охране памятников искусства и старины, говорил о России как о «настоящем этнографическом музее», который сохранился благодаря «обилию народностей, различию культурных степеней населения», «сох-